независимое общественно-политическое издание
http://smolensk-i.ru

О ЧЕМ ГОВОРИТ СМОЛЕНСК

№4(94) // 10 марта 2014 г.

“Город уютный и интеллигентный

Неожиданный взгляд на Смоленск

стр.18

2014 ГОД КУЛЬТУРЫ

Смоленский областной театр кукол имени Д.Н. Светильникова

[г.Смоленск, ул. Дзержинского, д.15–а]

Касса театра [4812] **38–91–61**

вторник—пятница: **11.00–8.30** [перерыв **14.30–15.00**]
суббота **10.00–17.00;** воскресенье **10.00–15.00**
выходной – понедельник

http://www.teatr–kukolsm.ru/adres/

стр.16

Общественно–политическое издание
«О чем говорит Смоленск»
№4[94] // 10 марта 2014 г.

Главный редактор
Светлана Савенок

Шеф–редактор
Евгений Ванифатов

Дизайн/верстка
Ирина Столбова

Фото на обложке
Владислав Кононов

Фото
Дмитрий Прудников
Олег Ермаков

Веб–сайт
http://journal.smolensk-i.ru/

Редакционная почта
smolredaktor@yandex.ru

Подписной индекс
16965

Учредитель
ООО «Группа ГС»

Адрес редакции
214030, г.Смоленск,
Краснинское шоссе, д.29
Телефон **60–63–94**

Журнал **«О чем говорит Смоленск»** зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Смоленской области

Свидетельство о регистрации
ПИ N ТУ67–00081 от 22.01.2010

Периодичность выхода
два раза в месяц

Отпечатано в ООО «Типография Михайлова–С»
(214020, г.Смоленск, ул.Шевченко, д.86)
[4812] 31–75–25
Подписано в печать: 7.03.2014 в 18.00
По графику: 18.30
Тираж: **10 000 экземпляров**
Свободная цена
Заказ:

О внешнем и внутреннем

Уж извините, но и мы про Украину. Нет ведь на самом деле ничего удивительного в том, что происходящее там так сильно волнует здесь у нас практически всех. От часто и не к месту употребляемого «братский народ», признаться, уже немного подташнивает. Однако в данном случае все без кавычек — у огромного количества россиян на Украине живут именно что братья и сестры, родные, друзья… И это родная для них страна, а, значит, и для нас тоже. И то, что там сейчас происходит — наша общая проблема. Решить которую быстро и безболезненно, увы, вряд ли уже получится…

Чувств по этому поводу у каждого, наверное, через край. И не самых приятных. У нас вот, помимо прочего, есть чувство глубокого разочарования. Какой–то даже обиды. На наших западных партнеров, как часто говорит Путин. Не то, чтобы мы испытывали чрезмерные иллюзии, но надежда, что можем быть, если и не друзьями, то вполне себе добрыми соседями, оставалась до последнего. И вот… Добрые соседи ведь не будут радоваться, когда у вас пожар? И уж тем более — подбрасывать в него поленья. И плевать на ваши святыни или вам в душу не будут, не так ли?

Жаль, конечно. Ну что ж, значит, будем просто соседи. Главное, чтобы не враги.

Есть и еще одно чувство. Весьма острое. Как бы его назвать поточнее… Опасения… А может быть омерзения… Скорее, и то и другое вместе. Вызвано оно причинами сугубо внутренними, от которых ни отделиться, ни отгородиться никак не получится. И никакие войска не помогут.

Речь — о лезущих буквально из всех щелей так называемых «охранителях». Для которых любое возражение — это уже измена, любое несогласие — предательство, а за мнение хоть в чем–то отличное от «официального» требуется незамедлительно наказать. С такими «друзьями народа» и врагов никаких не надо…

Что со всем этим делать, мы, признаться, не знаем. Можем порекомендовать только одно: думать. И не бояться отстаивать собственную точку зрения. А еще можем напомнить, если кто–то уже успел позабыть: для того, чтобы быть патриотом своей страны, совсем не обязательно восхищаться методами правления Ивана Грозного и Сталина или «славить» любой начальственный «чих».

А что вы об этом думаете? ■

Антивоенное настроение

Анна РЕЗНИК

У каждого из нас свое предназначение. Кому–то суждено изобрести ядерную бомбу,а кому–то — передать солонку

Но вселенная, в отличие от человека, не делит роли на простые и сложные. Они все сложные. И все простые, если вам нравится играть свою роль. Редакция журнала «О чем говорит Смоленск» всем сердцем следила за событиями последних недель, понимая, что это события мировой истории. Споря и переживая, мы находили причины одних событий в других, а потом сопоставляли факты, которых до сопоставления вроде бы и рядом не стояло.

Короче, мы поняли одну вещь. Что бы ни случилось, образно говоря, за океаном, этот берег тоже реагирует. И наоборот. Или, как уже было сказано, кто–то изобретает во сне периодическую систему химических элементов, а кто–то просто вовремя роняет яблоко. Нет в мире ничего такого, что нельзя измерить шагами по нашему маленькому городу. Люди примерно одинаковы, а Бог никогда не устает шутить.

Киев

В начале 2014 года я впервые посетила Киев. Стоя у памятника Ярославу Мудрому, я, конечно же, принялась размышлять о роли правителя в истории городов русских.

Меня отвлек мой младший брат. Он сказал:

— Стой там и не двигайся, сейчас я оброню немного мудрости!

— Ого, ты прямо цитируешь Ярослава Мудрого?

— Вообще–то я цитирую мой любимый ситком. А кто такой Ярослав Мудрый?

— А что такое ситком?

Мы с братом, как Смоленск и Киев, уже давно являемся носителями разных культур. Но у нас тоже немало общего.

Сопоставление Киева и Смоленска было продолжено в Софийском Соборе. Под пристальным взглядом Святой Оранты я почувствовала, что наши города до сих пор горюют о потере Византии, Речи Посполитой, а также потере друг друга.

А потом был Майдан, еще тот, шуточный. Мы с братом бродили по древнему городу, охваченному юношеским желанием жить как в Европе, при этом работать, как в Греции, а пенсию получать, как

в Германии. Мы фотографировались на фоне баррикад из мусора и улыбались недружелюбным казакам с железными зубами. Я привезла домой несколько артефактов из того Киева — в частности, значок с надписью «Участник евромайдана». Поверите ли вы мне, если я скажу вам только сейчас — уже тогда Киев был пропитан отвратительным запахом революции. Это не метафора. Его источали железные бочки, в которых постоянно что–то горело, около них люди грелись и даже готовили нехитрую еду. Запах гари, в котором вот–вот смешается все — кровь, предательство, страх, смерть — впитался в мои волосы так стойко, что его не удавалось смыть.

И первое, что я вспомнила, когда в Киеве пролилась кровь, это был тот запах. Скажу честно: когда мне говорят о том, что в маршрутных такси Смоленска поднялись цены на проезд, я закрываю глаза, пытаясь понять — нет ли в воздухе того мерзкого запаха?

И если нет, то и славно. Два рубля не деньги. Тем более при таком курсе доллара и евро.

Одесса

Город с ласковым названием Одесса долгое время был *порто франко* (в переводе с итальянского — свободный порт). Так называли порт, пользующийся правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров. Но главное в этом не товары, а, как вы понимаете, свобода.

Одесса могла быть городом любой страны, потому что она всегда была вычурно самодостаточной. Одесса никогда не верила в навязанную ей национальную валюту и с ловкостью манкировала обязанностью говорить на том или ином языке. Одесса знала «южную речь» и доллар, и тем была крепка. Когда в Киев начали съезжаться любители Западной Европы (съезжаться, кстати, тоже с Запада), Одесса по привычке отнеслась к этому несерьезно.

Говорят, Одесса была все–таки втянута в эту борьбу — мол, кого ты больше любишь — маму или папу, Россию или Украину? Одессе, повторяюсь, все равно. У нее неплохие связи на Манхеттене.

Одесса веками вела себя нахально по отношению к верховной власти. Может, дело в том, что ей часто везло с местными правителями. Например, в центре Одессы вы можете увидеть памятник… апельсину. Монумент посвящен совершенно историческому событию: доставке в феврале 1800 года трех тысяч свежих греческих апельсинов из Одесского порта в Петербург в подарок императору Павлу, во имя получения ссуды на продолжение строительства одесского порта. Апельсины тогда спасли город — Павел смилостивился и порт был достроен.

Я люблю Одессу, потому что она — это мое детство, обгорелые на солнце плечи и мягкое абрикосовое мороженое. Это фотографии на фоне Оперного театра и обязательный поход в зоопарк, от которого я отлынивала как могла — животные в клетках, а здесь же *порто франко*…

И вот, много лет спустя, специально для таких как я, в КВЦ имени Тенишевых открывается выставка шестидесяти уникальных фотографий диких животных в естественной среде обитания. Выставка пройдет с 12 марта по 6 апреля, и организаторы клянутся, что ни одно животное не пострадает.

Ершичи

Закон современной развитой демократии гласит: когда глава государства демонстрирует сообществу, что готов к войне, его тут же выдвигают на Нобелевскую премию мира.

А есть ведь места, куда на самом деле нужно приезжать и наводить порядок. Пусть не силами войск, но силами областной власти точно. За примером далеко ходить не надо — после посещения смоленским губернатором Алексеем Островским Ершичей на свет вылезли странные факты о поведении местных властей. Сначала оказалось, что в Ершичах из зала вынесли стулья, чтобы не пустить людей на встречу с губернатором. Потом — что власти Ершичского района и вовсе не принимают жителей…

Мы уверены, что ситуация изменится к лучшему, что стулья внесут, а жителей примут. Главное, чтобы не было войны. И каждый из нас может сыграть в этом свою пусть даже маленькую роль. ■

Пациенты кто куда

Елена УЛЬЯНЕНКОВА*

Ожидается, что во втором полугодии 2014-го часть смолян «перепишут» из одной поликлиники в другую. Зачем это делается, и как узнать, какая поликлиника будет обслуживать конкретного горожанина

Сегодня в здравоохранение вкладываются большие, если не сказать гигантские, средства, лечебные учреждения комплектуются современным высокотехнологичным оборудованием, проведены капитальные ремонты зданий, отделений и палат, нет проблем с лекарственным обеспечением — все эти вопросы сняты с повестки дня, и на первый план выходят вопросы *доступности* и *качества* оказания медицинских услуг населению.

Совет общественных организаций по защите прав пациентов, председателем которого я являюсь, был создан менее полугода тому

* председатель Совета общественных организаций по защите прав пациентов при департаменте Смоленской области по здравоохранению

назад по рекомендации министерства здравоохранения. За этот период мы провели три заседания, и должна отметить, что большая часть поступающих жалоб и предложений связана именно с этими с вопросами — *доступности* и *качества*. Именно по этим направлениям мы зачастую получаем негативную реакцию; очень много жалоб на качество и доступность поликлинической помощи поступает от жителей города Смоленска.

Почему врач валится с ног?

Проехавшись по всем городским больницам и поликлиникам и изучив ситуацию на местах, Совет пришел к выводу, что корень проблемы состоит в разбалансировке потенциальных возможностей поликлиник и количеством прикрепленного к ним населения. Например, поликлиника №4 (в районе ДК «Шарм») обслуживает 63 тысячи смолян, поликлиника №1 (на улице Чаплина) — 20 тысяч, почти втрое меньше. А поликлиника №2 (на улице Соколовского) — почти 67 тысяч горожан, и это число увеличивается чуть ли не ежедневно, поскольку микрорайон Киселевка активно развивается, строится. Выходит, что люди справляют новоселье, однако никакой социальной инфраструктуры при строительстве их жилых домов не планируется. Между тем, при заселении каждых новых двух тысяч человек уже нужно думать о том, что для их обслуживания должен быть хотя бы кабинет врача общей практики.

Один врач–терапевт может обслуживать не более полутора тысяч человек, а у нас в некоторых поликлиниках ему приходится перевыполнять норму в два, три, а то и в четыре раза! Можно ли говорить о приемлемом качестве обслуживания, если при такой нагрузке врач буквально валится с ног от усталости? Конечно, нет.

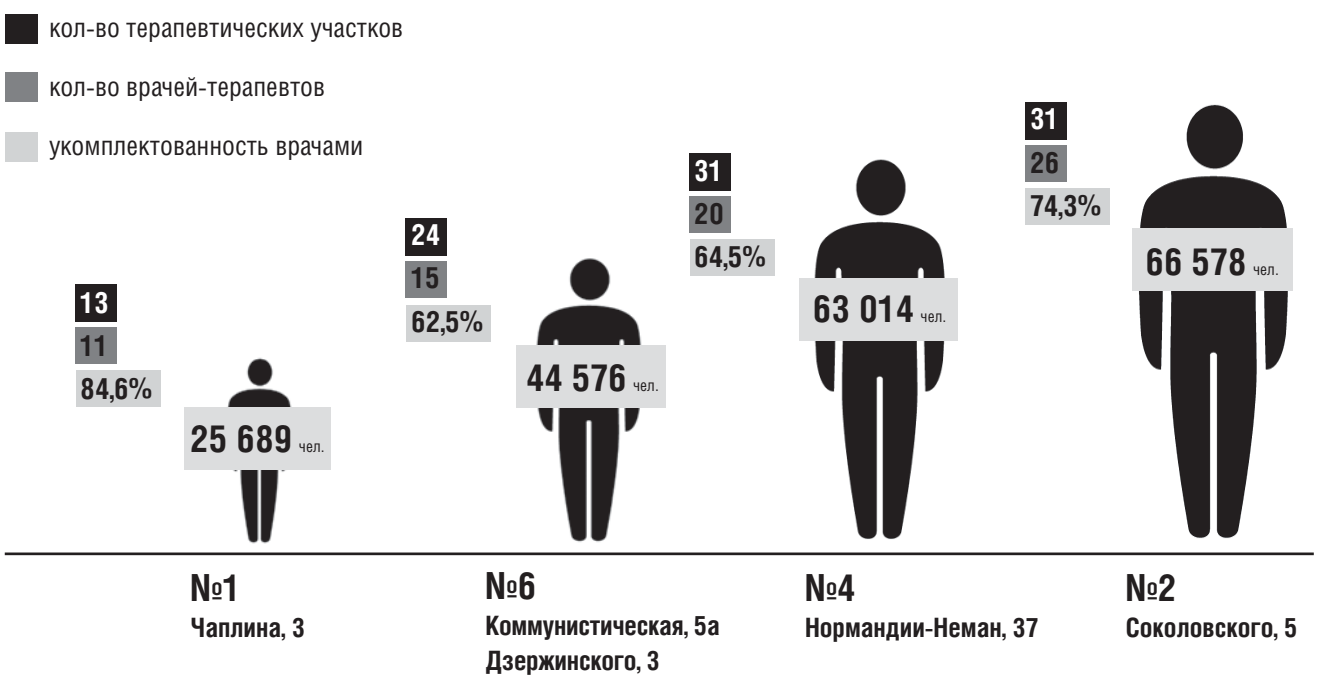
При этом во всех поликлиниках сложилась острая ситуация с неукомплектованностью врачами. Некоторые врачи вынуждены вести от двух до четырех участков, что физически не под силу, что вызывает моральное и профессиональное «выгорание».

Проанализировав все жалобы населения в отношении медиков, мы также убедились в том, что их большинство касается именно таких случаев, когда нагрузка на врачей очень велика и они физически не справляются с потоком пациентов.

Власть должна обязать застройщиков

Поскольку никакого строительства поликлиник за счет бюджет-

Сравнительная характеристика поликлиник г.Смоленска



сказано

Ольга Окунева

вице–губернатор Смоленской области

— Вы знаете, что у нас небольшое количество поликлиник в городе, а микрорайоны разрастаются, ведется новое строительство, не предусматривающее социальных объектов. Поликлиники в таких районах переполнены. Поэтому предложено городу проработать возможность создания кабинетов оказания медицинской помощи в микрорайонах при заключении договоров на строительство, оговорить какие–то условия при выделении земельных участков

ных средств в ближайшем времени не предвидится, наш Совет обратился к первому заместителю губернатора Смоленской области Михаилу Питкевичу с просьбой *настоятельно рекомендовать строительным организациям выделять при застройке территорий города площади для размещения социально—значимых объектов, в частности, филиалов поликлиник, кабинетов врачей общей практики, дневных стационаров.*

Считаю, что власть вполне может пойти на те или иные уступки, снять некоторые обременения для застройщиков в случае выделения ими хотя бы одной квартиры на первом этаже в строящемся жилом доме под нужды врача общей практики. Цена вопроса ведь совершенно невысокая: площадь около 80 квадратных метров, на которой сможет разместиться процедурный кабинет, кабинет врача, где можно вести дневной стационар, ставить при необходимости капельницы. Это хотя бы немного разгрузит поток пациентов в городские поликлиники.

Вообще, в планировании строительства новых жилых микрорайонов упущено очень и очень многое: строительство социальной инфраструктуры не предусмотрено нигде! Хотя, например, когда начиналась застройка Соловьиной рощи, я, как первый зампред городского Совета, выезжала на встречу с бунтующим населением, и г–н Степанов, директор «Монолита» показывал лично мне проект, где была и школа, и детский сад, и кабинет врача общей практики… Сегодня роща застроилась, но ничего этого нет. Где социальная инфраструктура?

А что вы об этом ДУМАЕТЕ?

journal.smolensk–i.ru

Узнайте, к какой поликлинике будете приписаны

Департамент Смоленской области по здравоохранению, со своей стороны, подготовил концепцию оздоровления описанной ситуации, суть которой заключается в перераспределении закрепления территориальных участков между городскими поликлиниками с целью разгрузить некоторые из них и нормализовать ситуацию по участкам, ликвидировать очереди на прием к врачу и, как следствие, создать комфортные условия для лечения пациентов. Это, в свою очередь, снизит и нагрузку на медперсонал, создаст относительно нормальные условия для работы.

Таким образом, во втором полугодии 2014–го территории обслуживания той или иной поликлиники будут подвергнуты корректировке. Например, жителей новых домов улиц Оршанской, Пригородной, части проспекта Га-

гарина, на взгляд Совета, логично передать из поликлиники №4 в поликлинику №1. То же Краснинское шоссе — всех жителей новых домов, полагаю, также необходимо прикреплять к поликлинике №1. Тем более что все маршрутки и весь муниципальный транспорт движется вдоль Красного креста, по улице Исаковского и далее, к Никольским воротам, а там до улицы Чаплина рукой подать.

Согласна, здесь появляется проблема доступности транспорта в обратном направлении — волей–неволей нужно ехать до Колхозной площади. В данной связи Совет обратился к главе администрации Смоленска Николаю Алашееву с предложением пересмотреть транспортные развязки как муниципального и частного транспорта.

Главное — не ущемлять интересы горожан

В настоящее время участковые врачи смоленских поликлиник ведут активную информационную работу, рассказывают о грядущих новшествах, стараются дойти до каждого человека. Главное — не ущемлять интересы горожан. Должна отметить, что если кто–то категорически отказывается переходить из одной поликлиники в другую — что ж, это его право. Никто насильно заставить не может. По соответствующему заявлению человек может остаться у своего прежнего участкового врача. Но! В таком случае жилой дом, в котором он живет, начиная с некоторого момента, будет относиться уже к другой поликлинике. Да, его будут там обслуживать, да, он сможет записаться туда на прием, но вызвать врача на дом он не сможет. Ни из одной, ни из второй поликлиники. Такой вот тупик. ■

Елена Пчелова

главный врач «Консультативно–диагностической поликлиники №1»

— Елена Васильевна, в связи с планируемым переводом части населения из «своих», прежних участковых поликлиник в поликлинику №1 хотелось бы понять, насколько безболезненно ваша поликлиника «переварит» дополнительную нагрузку?

— Сразу хочу успокоить смолян: качество медицинской помощи ни в коем случае не ухудшится. Это я заявляю совершенно ответственно. Наша поликлиника обладает широкой базой диагностических обследований. И следует отметить, что это ЕДИНСТВЕННАЯ В ГОРОДЕ поликлиника, которая имеет статус консультативно-диагностической.

Поликлиника является крупным многопрофильным лечебно-профилактическим учреждением и оснащена необходимым лечебно-диагностическим оборудованием для обеспечения медпомощью не только жителей города Смоленска, но и Смоленской области. Мы располагаем возможностями для оказания медпомощи всем желающим в нее обратиться, независимо от места жительства.

Мощная диагностическая база, включающая в себя современное рентгеновское оборудование (в том числе компьютерный томограф), полностью оснащенное отделение функциональной диагностики — ЭКГ, функция внешнего дыхания, реоэнцефалография, электроэнцефалография, доплеровские исследования сосудов и так далее — все эти обследования наши пациенты проходят совершенно бесплатно.

Что касается специалистов, штат сотрудников состоит из высококвалифицированного медицинского персонала: это 76 врачей и 113 средних медицинских работников. И среди них есть медработники, имеющие звания «Отличник здравоохранения», «Заслуженный врач Российской Федерации», «Заслуженный работник здравоохранения Российской Федерации».

Прием и лечение пациентов в нашей поликлинике ведется врачами-специалистами по 23 специальностям, 90% из которых имеют категории, подтверждающие классность их работы. Существует возможность лечения в дневном стационаре. Записаться на прием к специалистам можно предварительно через терминалы поликлиники и электронную регистратуру.

И еще, хотела бы обратить внимание, что в настоящее время каждый пациент имеет право закрепиться за тем лечебным учреждением, где ему более комфортно. Это право остается и за населением, которое территориально предполагается передать поликлинике №1. В настоящее время уже более двух тысяч человек изъявило желание закрепиться за нашей поликлиникой. Мы готовы принять всех желающих.

Юрий СЕМЧЕНКОВ

Парк забытых пианино

Толик Смирнов был мечтателем. Мечтателем и фантазером. Вот к такому сорту людей он принадлежал. Есть люди деятельные, энергичные, неуспокоенные, все у них в руках горит, а есть — придумщики и выдумщики, неспособные ни разу превратить, как говорится, свои воздушные замки в реальную недвижимость.

Толик относился ко вторым. И на работе, и дома любимым его занятием было размышлять. Размышлять на разные темы. Беспочвенно и нереально. Все фантазии и мечты Толика Смирнова не имели никакой (по крайней мере, пока) практической ценности. То есть, конечно, на взгляд Толика, ценность, в том числе и практическую, его идеи имели неимоверную. Жаль, конечно, что никто этого не понимал, и никто не стремился как можно быстрее подхватить, а еще лучше — купить идеи Толика, но, по большому счету, это было неважно.

Поскольку работа охранника в супермаркете в период отсутствия войны, разбоев и всеобщего дефицита представляет из себя классическое убийство времени, Толик предпочитал убивать его с помощью местной и не только прессы. Периодической и не очень. Короче, читал все подряд попадающиеся ему газеты, журналы, листовки, рекламные буклеты и прочие носители информации. И очень часто дискуссии и обсуждения, выливающиеся на страницы, увлекали в свою полемическую пучину и Толика, стоявшего до момента знакомства с вопросом несколько в стороне. Разумеется, в полемику Толик пускался исключительно во внутреннюю, то есть спорил сам с собой. Сам разбивал свои же аргументы, вскрывал все плюсы и минусы предлагаемых решений рассматриваемых проблем, громил оппонента, а потом находил новые доказательства правоты той или иной стороны.

Очередным вопросом, вскользнувшим неуспокоенный ум охранника, стало обсуждение туристической привлекательности родного города. По мнению Толика Смирнова, разговаривать тут было не о чем. Все просто, как башня Бублейка смоленской крепостной стены. Куда народ едет и что хочет видеть? Вариантов немного, а точнее — всего два. Народ едет туда, где красиво, и хочет посмотреть то, то необычно. Вот тут–то большинство «экспертов» и сворачивает на ложный путь, пытаясь углубиться в философские рассуждения о красоте, предполагая, что у каждого индивида об этом свои понятия, и то, что одному кажется красивым, другому представляется непривлекательным или даже безобразным.

Здесь и кроется системная, по мнению Толика, ошибка.

Дело в том, что чувство прекрасного заложено в каждом человеке изначально. И красоту все мы замечаем моментально и сразу. Можно, конечно, выпендриваться и говорить, что вот это, мол, мне не очень, как–то тут не то… Но, если ком к горлу, и слов нет, и ничего больше рядом не замечаешь, то что тут говорить. Кра—со—та. Бывает красота природная и рукотворная. Природная, это уж как какому месту на Земле повезет. Озеро Байкал, скажем, или озеро Сапшо. После озера Сапшо мысли Толика очевидно замедлили свой бег — никаких других однозначно красивых мест родного края он вспомнить не мог. Справедливости ради, стоит сказать, что толком Толик никуда по области и не ездил, но если бы что–то уникальное природно—красивое в пределах достижимости было, он бы об этом, по крайней мере, знал. Все наши перелески, поля, луга и речки никого не привлекут, конечно. Такого добра по России, а тем более по миру, — завались. Красоты же рукотворной у нас тоже — раз—два и обчелся. Собор, стена, памятник с орлами. Ну, разве что арбитражный суд здание гостиницы «Смоленск» еще отреставрирует. Все, уважаемые господа. А, еще атомная станция.

Вот и получается, думал Толик, что у нас остается надежда только на пункт второй — на необычность. На креативность. На придумки и выдумки. И тут уж все в наших руках. Ставь посреди города Эйфелеву башню, лови йети в угранских лесах, объявляй Темкино родиной Красной Шапочки. Толик чувствовал, что его сейчас понесет, что того Бендера. Идей таких не только он, но и практически любой нездоровый человек может сгенерировать кучу. Выбирай — не хочу.

Но еще Толик Смирнов знал универсальный ответ на любое предложение народных масс в сторону власти: «Денег нет!» Поэтому мысли свои направил Толик в сторону дармовых, не требующих затрат, фантазий. Думал и придумал.

Парк забытых пианино. Практически в каждой рекламной газете Толику на глаза регулярно попадаются объявления типа: «Отдам пианино даром. Самовывоз». Вот и нужно самовывезти эти пианино. И поставить. Например, в парке Блонье. Поставить хаотично, между деревьев. Разбросать по парку. Нигде нет, а у нас будет. Пусть они стоят, эти одинокие пианино, летом среди зелени, а зимой под снегом. Пусть дети бегают и стучат по клавишам, они это любят. И дети, и клавиши. В любом помещении, где встречаются ребенок и пианино, две эти энергии находят друг друга через три минуты. В парке Блонье это время сократится до двух минут. Заметить — посмотреть на маму — получить ее разрешение. Впрочем, разрешение совсем необязательно. Пусть бренчат по клавишам, на улице среди деревьев никому мешать не будут. Понятно, что под открытым небом век пианино не долог. «Ветер, туман и снег». Не надо жалеть — на место выбывших музыкальных бойцов встанут другие. В квартирах бабушек и мам еще много ставших враз ненужными инструментов.

Пусть «Зеленьсуперхоз» (или как его там) свезет инструменты в парк, расставит и забудет. Ухода не нужно никакого. Одинокие пианино в городском парке ищут друзей. А те, кто владеют инструментами, пусть сыграют прямо в парке. Чуть–чуть. Для настроения. Просто проходя мимо.

Толик размечтался. Ему и самому понравилась идея. Романтично, лирично, необычно. Но самое главное, думал Толик, чтобы все это происходило быстро и без затрат. А то откуда ни возьмись, найдутся проектировщики Парка забытых пианино. Проект расстановки — это шесть миллионов рублей. Потом окажется, что необходимо исследование влияния розы ветров на самопроизвольное закрывание крышек клавишных инструментов — еще восемь миллионов. Бригады обслуживания и настройки… Вот и получится — денег нет. А денег и не надо. Инструменты даром, транспорт у какого–нибудь МУПа найдется, грузчикам муниципальным все равно, что сегодня грузить. Тут Толик несколько засомневался — грузить пианино ему приходилось. Но красота, как известно, требует…

А представьте зато, если получится. Приходит Главный по городу к Главному по области, а тот его, как обычно, и спрашивает: «Что нового? Как на благо родного города все силы прикладываете?» А городской возьми и ответь: «Кроме того, что мы в этом году героически убрали с улиц нашего родного города снег на три месяца раньше нормативного срока, так мы еще и Парк забытых пианино устроили—организовали». Вот тут Главный по области Главного по городу и похвалит. За креатив, за нестандартность мышления, за романтично—лирично—необычно. А про то, что все это Толик Смирнов придумал, можно и не говорить. Толику идей не жалко. Толик еще что–нибудь нафантазирует. ■

Валерий ЛОБАНОВ

Труд на сбыт

Какие отрасли определяют экономику Смоленской области, почему быть индивидуальным предпринимателем невыгодно, как заманить крупного инвестора?

Последние пару месяцев местное телевидение буквально оккупировано рекламой смоленского авиационного завода, чей директор бодро рассказывает о потребности предприятия в семистах (!) сотрудниках. Это, пожалуй, единственный рекрутинг подобного масштаба на Смоленщине за многие годы. Хотя отсутствие серьезного кадрового спроса остальных игроков региональной экономики вовсе не означает их стагнации.

Смоленскую область традиционно относят к так называемым *старопромышленным* регионам, экономика которых создавалась в 60—70–х годах прошлого столетия. Насколько исчерпан ее старопромышленный потенциал, как чувствуют себя игроки крупного, среднего и малого бизнеса Смоленщины, какие бонусы может предложить власть инвесторам — об этом мы беседуем с Виктором Кожевниковым, начальником департамента Смоленской области по экономическому развитию.

Драйверы экономики

— Виктор Дмитриевич, начать нашу беседу хотелось бы с чего–то базового, например, с вопроса о том, какие отрасли экономики вносят наибольший вклад в формирование валового регионального продукта (ВРП)?

— Экономика Смоленской области, к счастью, достаточно разнообразна. У нас нет моноотрасли, которая определяла бы экономику в целом. Треть нашей экономики — это промышленность, сюда мы относим и энергетику (примерно 10 процентов) и обрабатывающую промышленность (примерно 20 процентов), есть и небольшая доля добывающих отраслей. Вторая по величине отрасль — оптовая и розничная торговля и услуги. На этот сектор приходится примерно 20 процентов экономики. Еще одна важнейшая отрасль — строительство (более 10 процентов). Сюда входит не только строительство жилищное, но и дорожное, промышленное. Нельзя забывать и о сельском хозяйстве — порядка 7 процентов ВРП. Это, скажем так, основные отрасли. Однако здесь необходимо понимать, что драйвером является промышленность.

— Почему именно она?

— Дело в том, что промышленность — та отрасль, которая экспортирует товары за пределы Смоленской области. Когда человек покупает товар, он, в первую очередь, платит зарплату людям, которые этот товар произвели. Вот и получается, что основным поставщиком средств в область является промышленность. И хотя она занимает порядка трети нашего ВРП, этот сектор реально развивает экономику области.

— Скажите, а в каком состоянии находится промышленность, вернее, сами предприятия? Нет ли среди них кризисных?

— Здесь, чтобы было понятно, начну с общего: среди видов деятельности, которые составляют промышленность, также сложно назвать ярко выраженного лидера, от кризиса которого вся промышленность страдала бы существенно. Например, пищевая промышленность — где–то идет снижение производства (прежде всего я говорю о производстве молочных изделий — падение в прошлом году примерно на 7 процентов), однако, с другой стороны, мы ожидаем в этом году прирост мясных изделий, например. Дело в том, что у нас реализуется инвестпроект по строительству мясоперерабатывающего завода в Сафоново, в Гагарине идет активное строительство Останкинского мясокомбината. Также в прошлом году наблюдалось падение по производству крепких спиртных напитков. Связано это было с антиалкогольными мерами, и тенденция по сокращению производства водки наблюдается, в принципе, во всей стране. Зато существенно у нас выросло производство пива, как старыми производителями, так и благодаря появлению нового завода в Кардымово. Иными словами, какие–то предприятия находятся в лучшем состоянии, какие–то в худшем.

— Ну вот, например, из тех, что в худшем состоянии — автоагрегатные заводы…

— Совершенно верно. Здесь ситуация достаточно сложная. В прошлом году, например, была сложная ситуация на вагоноремонтном заводе, были проблемы со сбытом продукции. Однако в этой же отрасли есть госзаказ на авиационном заводе. И мы очень надеемся, что в этом году он будет

оказывать существенное влияние на показатели промышленности Смоленской области.

Стимулы к созданию добавленной стоимости

— Знаете, говорят: «маленькие детки — маленькие бедки», и наоборот. Что касается предприятий, можно ли говорить в том же ключе? Иными словами, проблемы малого бизнеса и большого предприятия схожи, или они совершенно разные?

— Понимаете, основная проблема любого предприятия — и промышленного, и непромышленного — это сбыт продукции. На крупном промышленном предприятии сложность состоит в том, что, в отличие от малого бизнеса, за ним стоит бОльшая ответственность. Согласитесь, если на предприятии работают полторы тысячи человек, например, и оно не может найти рынки сбыта продукции, это куда страшнее, чем если эти рынки сбыта не найдет предприятие с пятью работниками.

— А как вы относитесь к тому, что для бизнеса, то есть предприятий свободных и имеющих своего хозяина, государство оказывает финансовую помощь? И это достаточно большая практика. С чем это вообще связано, ведь, казалось бы, они и сами должны зарабатывать? И какие способы поддержки есть у нас?

— Постараюсь объяснить. На начинающие предприятия, или на те, которые реализуют крупные проекты, существует определенная финансовая нагрузка. Прибыли будут, но пойдут они потом, может через год, может через два. Тем не менее, платить налоги этому предприятию надо, проценты по кредиту платить надо. То есть бизнесмен сталкивается с ситуацией, когда затраты делать надо уже сейчас, а отдача будет еще когда–то. Во всем мире существует система льготного функционирования данных предприятий. У нас система одобренных инвестиционных проектов — это примерно то же самое. В прошлом году мы определили, что будем поддерживать проекты на сумму не менее 100 миллионов рублей, для малого и среднего бизнеса — не менее 50 миллионов. Это, прежде всего, проекты, которые связаны со строительством, с производством товаров. В части налогов мы даем льготы на срок окупаемости инвестпроекта, но не более 5 лет.

— Это же касается и малого бизнеса?

— С малым бизнесом ситуация немного иная. Здесь у нас, например, осталось прямое субсидирование. Ведь если мы будем субсидировать крупные предприятия, то вся нагрузка ляжет на областной бюджет, а этого мы, исходя из реалий сегодняшнего дня, позволить себе не можем. А вот в ситуации с малым бизнесом часть затрат берет на себя федеральный бюджет. В прошлом году мы получили на эти цели 200 миллионов рублей. При этом своих мы вложим 50 миллионов. То есть получается, на наш рубль дается 4 рубля федеральных. И в таких условиях мы, конечно, заинтересованы в том, чтобы поддержать малый и средний бизнес. Причем не просто поддержать — мы стараемся стимулировать их инвестиционную активность, поддерживаем в основном тех, кто производит товары. Иными словами, стимулируем создание добавленной стоимости.

— Можно вообще сказать, сколько в прошлом году у нас появилось небольших предприятий, ведется такая статистика? Ведь много говорилось о том, что заниматься малым бизнесом становится невыгодно, мол, налоги большие…

— Здесь необходимо разделить понятия. Да, проблема налогов стояла. Но стояла не перед малыми предприятиями, а перед индивидуальными предпринимателями. Федеральным центром проводилась такая политика, и, вероятно, она и будет продолжаться. Например, формирование пенсионного фонда. Смысл в том, что нагрузка на работника должна быть равна, где бы он ни работал, на предприятии или в качестве индивидуального предпринимателя. То есть основной посыл был такой: если тридцать с лишним процентов платит отчислений в пенсионный фонд работник предприятия, то в случае с ИП–шниками получалось 14 процентов. То есть первый платит больше, и это не очень справедливо. И логика здесь ясна. Однако хотели, как лучше, а получилось, как всегда. Произошел резкий скачок, что не очень хорошо, и протесты предпринимателей. У нас в Смоленской области порядка 6 тысяч предпринимателей закрылось, однако порядка 2,5 тысяч появилось новых ИП. И хотя баланс все–таки

негативный, мы не ощутили этого, в налоговой сфере. А это значит, что подавляющее большинство закрывшихся предприятий — это или еле живые, или вовсе формально существующие предприятия. Сразу оговорюсь, я не могу сказать, что полностью поддерживаю то, что произошло. Получилось ведь по факту, что предприниматель вместо того, чтобы развивать свой бизнес, вынужден отдавать деньги на налоги. Для пенсионного фонда и вообще для бюджета — это понятная мера, но для предпринимательства, наверное, это скорее отрицательное явление.

— А что касается малых предприятий? Для них налоговые изменения не страшны?

— Нет, не страшны. Для них ничего существенного не произошло. Они работают стабильно, примерно в том же режиме, что и ранее.

Бонусы для инвесторов

— Еще одна важная тема — привлечение инвестиций. Сейчас об этом много говорится, много внимания вопросу привлечения в регион инвестиций уделяет и губернатор Алексей Островский. А вопрос вот в чем: назовите, пожалуйста, основные причины, по которым инвестор должен прийти в Смоленскую область.

— Самый главный наш бонус и преимущество — это географическое положение. С одной стороны, совсем рядом с нами Москва — огромный мегаполис и крупнейший рынок сбыта, с другой стороны, мы на границе. Кроме того, в радиусе 500 километров от Смоленской области проживает 68 миллионов человек — это немало. Кроме того, дорогами наша область связана и с Санкт—Петербургом, и с Москвой, и с зарубежными странами, и с портами. По территории нашей области проходит одна из лучших российских трасс М—1, железная дорога… Словом, расположение Смоленской области в этом отношении очень хорошее.

> “ Когда человек покупает товар, он, в первую очередь, платит зарплату людям, которые этот товар произвели. Вот и получается, что основным поставщиком средств в область является промышленность

— А кроме географии нам есть что предложить?

— Конечно. Например, у нас есть избыток производства электроэнергии. Мы производим примерно в 4 раза больше, чем сами потребляем. То есть мы ее экспортируем. В принципе, при условии наличия инфраструктуры распределения электроэнергии мы ей обеспечены. У нас есть, пусть и небольшие, но все–таки природные ресурсы, есть древесина. Объем добычи древесины мы можем увеличить в три раза, причем сделать это довольно легко. Вообще, плюсов у нас довольно много, но логистика, конечно, для инвестора — основной и сверхважный.

— Смоленщину традиционно относят к старопромышленным регионам. На ваш взгляд, должна ли наша область оставаться таковой и дальше, и вообще, какова стратегия развития экономического развития нашего региона?

— Уже сам термин «старопромышленный регион» говорит о том, что промышленность, грубо говоря, сформировалась где–то в 60—70–х годах прошлого века. То есть существует на базе старых предприятий. Во–первых, предприятия эти модернизируются. И у нас есть такие примеры: тот же Osram, Аналитприбор. Сейчас мы видим всплеск активности авиационного завода. Поэтому сказать, что предприятия сформировались в прошлом веке и стоят на месте — нельзя. Вернусь к началу нашей беседы — какие–то предприятия в более сложной ситуации, какие–то чуть лучше. Если же сравнивать нас с какими–то регионами—лидерами, у нас есть определенные проблемы. В начале 2000–х они сумели привлечь крупных производителей и создать новые отрасли. У нас этого, к сожалению, не произошло. Сейчас мы вступили в фазу, как говорит нам минэкономики, медленного экономического роста. Тем не менее, инвестиционные ресурсы есть, и за них нужно бороться. Мы должны быть конкурентоспособными, даже в сравнении с передовыми регионами. Сегодня это, пожалуй, главная задача. ■

ДМБ–89

Аркадий ОКОЛОТОЧНЫЙ

Однако сразу удовлетворить свое любопытство и немедленно отбыть в загадочный город Арциз Андрону не удалось. Ему предстояло совершить трогательный обряд получения военной формы. Форму со склада выдавал еще один товарищ прапорщик.

Начсклада встретил Андрона довольно сухо и неприязненно (уже позже Андрон узнал, что такова была характерная особенность любого начальника вещевого склада в Советской Армии).

— Мне бы форму получить, товарищ прапорщик, — нерешительно попросил Андрон.

Тот в ответ тяжело вздохнул, всем своим видом давая понять, что назойливый Савенко отрывает его от крайне важных для защиты обороноспособности страны дел.

— Ну, что там у вас? — недовольно протянул начсклада. — Китель? Брюки?

— Да нет! — невольно чувствуя несуществующую вину, замялся Андрон. — У меня все!

— Что все? — не понял прапор.

— Ну, мне всю форму надо получить… На два года.

— А—а—а! — неожиданно заулыбался кладовщик. — Вы двухгодичник, что ль, будете?

— Да, двухгодичник, — признался Андрон и зачем–то добавил. — Лейтенант я.

Заметно подобревший прапорщик немедленно наплевал на обороноспособность и бросился подбирать требуемую форму. Эту нежданную доброжелательность начсклада Савенко разгадал несколько позже.

Формы потребовалось не много, а очень много. Двухгодичникам действительно надо было получать всю форму сразу на два года. И летнюю, и зимнюю. Андрон с нескрываемым ужасом смотрел, как его будущей одеждой наполняются два огромных мешка. Шинель повседневная, шинель парадная, бушлат, повседневная и полевая форма, форма парадная, рубашки защитные и белые, с коротким и длинным рукавом, белье, сапоги хромовые и яловые, туфли, фуражки и зимние шапки,погоны, звездочки, галстуки… Казалось, всему этому не будет конца. Однако конец все же пришел. Крайне довольный прапорщик кивнул на мешки и по–отечески напутствовал Андрона.

— Забирайте, товарищ лейтенант. И, смотрите, берегите форму. Больше вам до конца службы ничего не положено.

Андрон с трудом выволок мешки со склада, закурил и задумался. О том чтобы самостоятельно доставить всю эту байду не то, чтобы в неведомый и далекий Арциз, но даже в одесскую гостиницу, не могло быть и речи.

Спасение, как всегда бывает в нашей жизни, пришло неожиданно и как нельзя более своевременно. К Андрону подошел один из двух прапоров, с которыми он недавно беседовал в курилке.

— Закурить дай? — попросил прапорщик и, затянувшись халявной сигаретой, поинтересовался. — Ну, и куда тебя?

— В этот, как его, в Арциз, — ответил Андрон.

— Че, серьезно?! — удивился прапорщик. — Ну, значит, вместе будем служить. Я из Арциза.

Судьба протянула несчастному Андрону свою спасительную руку в лице прапорщика Феди Павалуки, начхима Арцизского отдельного радиотехнического батальона, который прибыл в Одесскую бригаду получать на складе какую–то фигню.

В итоге уже через десять минут счастливый Андрон погрузил свои объемные и тяжелые пожитки в кузов тентованого ЗИЛ—131, и прапорщик Федя отбыл в Арциз, предварительно объяснив Андрону, где и как найти город Арциз, военный городок в городе Арцизе, в/ч 25*** в военном городке, химсклад в в/ч 25***, его, Федю, в химскладе и андроновскую форму у него, Феди. Все это изрядно напоминало сказку про Кащееву смерть, однако Андрону было не до аналогий…

Поскольку время было вечернее, Савенко решил не ехать в незнакомый город на ночь глядя, вернулся в гостиницу и уже только на следующее утро отправился на железнодорожный одесский вокзал.

Напрямую расстояние от Одессы до Арциза — чуть более ста киломе-

* Продолжение. Начало в №№ 2,3

тров. Электропоезд, делая по пути крюк с целью объезда Днестровского лимана, увеличивал это расстояние более чем вполовину и находился в своем немудреном пути больше четырех часов. По первости ехать было интересно. Андрон с любопытством разглядывал в мутное, давно немытое окно электрички непривычные для среднероссийского взора ландшафты. Собственно говоря, ландшафт был незамысловат и скуден. Степь. Кустарник. Изредка скудные лесопосадки.

Объехали лиман, который был немного похож на море. И опять степь…

В Арциз приехали около полудня. Андрон оставил шмотки в камере хранения на вокзале и решил совершить небольшую рекогносцировку местности.

Для начала он зашел в привокзальный ресторан и утолил голод блюдом со странным названием «Мититеи с макаронами».

— А что такое *мититеи*? — спросил Андрон у неприветливой официантки.

Та с презрением посмотрела на одинокого посетителя и сухо ответила.

— Это такие молдавские колбаски.

«Надо привыкать, — подумал Андрон. — Это теперь надолго».

После ресторана он прошелся еще метров сто по улице и увидел греющую душу и сердце вывеску «Винный магазин». Ни на что особо не надеясь, Андрон зашел внутрь и обомлел…

Дело в том, что заканчивался уже второй год антиалкогольной кампании, провозглашенной генсеком Горбачевым. В родном Смоленске Андрон давно привык к километровым очередям, опутывающим плотными кольцами несколько сохранившихся в городе специализированных торговых заведений. Привык к строго соблюдавшемуся правилу «не больше двух бутылок в одни руки». К тому, что покупаешь не то, что хотел бы, а то, что выкинули в продажу.

В винном магазине города Арциза не было НИ ОДНОГО ПОКУПАТЕЛЯ! На полках Андрон насчитал три сорта водки, четыре сорта коньяка и шесть или семь видов сухого и крепленого вина. Более того, красное и белое сухие вина продавались также в розлив…

— А вы по сколько бутылок в одни руки отпускаете?— спросил растерявшийся Андрон у продавщицы.

— В смысле? — не поняла продавщица.

— Ну, я могу три бутылки купить, к примеру?

— Да хоть тридцать три! — усмехнулась работница прилавка.

Андрон вышел из магазина и тихо прикрыл за собой дверь. Он чувствовал во всем этом какой–то подвох и решил его непременно разгадать.

От вокзала до военного городка было километра четыре. Туда можно было добраться пешком или на автобусе, что и выбрал Андрон, памятуя наставления прапорщика Феди Павалуки.

Сам военный городок был небольшой. Несколько стандартных пятиэтажек,с десяток маленьких и гораздо более старых двухэтажных домиков. К военному городку примыкал также частный сектор. За пять минут Андрон пересек его территорию и вышел к шлагбауму, от которого до места его будущей службы было еще три километра по бетонке.

Бодро отшагав положенное расстояние, Андрон еще издали увидел знакомые ему по военным сборам очертания радиолокационных станций, стоявших на характерных пригорках. Станции крутились и качались. Навстречу ему попался рядовой военнослужащий.

— Не подскажешь, где командира батальона найти? — спросил Андрон.

— В штабе, — ответил солдат.

— А штаб где? — уточнил Андрон.

— В роте, — так же лаконично ответил солдат.

Андрон хотел было пошутить на предмет «не в роте, а во рту», но передумал. Вид у рядового был не самый счастливый. Андрон вздохнул и пошел «в роту»…

(Продолжение следует)

«Город уютный, интеллигентный…»

Олег ЕРМАКОВ

Лучший отзыв о Смоленске мне довелось услышать лет десять назад из уст одного столичного редактора: «Это уютный, интеллигентный город»

Увы, редактор, коренная москвичка, никогда не бывала у нас и судила исключительно по каким–то своим впечатлениям от книг, кино, истории. И мне кажется, что главным образом, от книги Бориса Васильева «Летят мои кони», а еще точнее, вообще от него самого. Но историю она, разумеется, знала.

А что, подумалось, в самом деле, самый западный древний город…

Но быть ее провожатым в Смоленске я бы отказался. Ведь она могла попросить свернуть вон на ту улицу, уходящую вверх к башне. И пришлось бы идти мимо двухсотлетнего дома, тоже исторического памятника, жилого до сих пор, варварски запущенного, и мимо гигантской помойки позади этого дома. Как там ходят семинаристы? Священники? А что, если туда заедет патриарх? Ну, наверное, высоких гостей возят другой дорогой.

Редактор могла заглянуть и в другие места. В ту же башню Орел. В прошлом году там сгорела кровля и все перекрытия. Бревна рухнули внутрь. Алкаши набросали бутылок, банок, и так и стоит Орел большой урной. Да и вообще ходить вдоль этого самого живописного участка стены надо в сапогах или в ботинках на толстой подошве, которые в народе прозвали неблагозвучно, но точно. Травы вдоль стены загажены.

Сдается, что после прогулок по городу ее точка зрения изменилась бы.

Ну и ладно, скажет читатель, подумаешь, редактор. Пусть сидит в своей Москве.

Да, но вместо редактора здесь мог гулять инвестор, потенциальный, с обширными связями и возможностями.

Предлагаю каждому представить себя в этой роли.

Впрочем, нам доступно и просто сознание горожан.

В каком городе каждому из нас хотелось бы жить? Каким представляется идеальный город? Ответить на эти вопросы довольно легко, достаточно буквально нескольких эпитетов: чистый, красивый, удобный. Что еще? Да вот, безопасный.

Много труднее эти эпитеты претворить в жизнь. И причин тут множество. И не только материального характера. Свежий пример. К юбилею в Смоленске на улице Пржевальского выстроили культурный центр Тенишевых. Именитые художники сразу обозвали его «консервной банкой» и заявили, что здание не вписалось в облик этой улицы. Другим эта «консервная банка» нравится: здание компактно и наоборот очень удачно заняло заброшенную территорию. Задворки гостиницы превратились в лицевую сторону города. Когда попадаешь внутрь этого здания, не перестаешь удивляться сокрытому в нем обширному пространству. И этот центр — главное приобретение города, отпраздновавшего юбилей. Очень точно его название. В нем явлено торжество справедливости. Феномен Тенишевой просто не состоялся бы без участия князя, который был настоящим культурным делателем: писал книги, занимался исследованиями, открывал учебные заведения.

Вот — столкновение взглядов на «прекрасное». Новое создание удобно, чисто и как будто безопасно. Но красиво ли? Облицовка культурного центра со стороны драмтеатра и впрямь не самая лучшая: возникают ассоциации с кафельной плиткой на кухне или в ванной. Наверное, зеркальное стекло, как на фасаде, было бы уместнее и по всему зданию.

Ни одного доброго слова мне не доводилось слышать о другом смоленском «приобретении» — о набережной.

Набережную все дружно ругают. И поделом. Это весьма тяжеловесная архитектура какого–то сталинского прошлого. Бетонные тумбы вызывают уныние. Уже сейчас набережная похожа на заброшенный парк советских времен. Штукатурка с краской осыпается. И на что нам предлагают любоваться с площадок набережной? На свалку под мостом левого берега и на депрессивные постройки правого, да еще на торговую точку под мостом на правом берегу? Торгуют там бабки в салопах и тулупах скорее всего самогоном или еще каким–то палевом. Народная тропа под мост не зарастает. Полицейские, остановившись в машине неподалеку, лениво беседуют с синеносыми бомжеватого вида покупателями, выныривающими из–под моста. Накрывать точку никто и не думает.

На этой набережной наконец–то должны были установить памятник Меркурию и Авраамию, смоленским защитникам. В юбилейной спешке забыли. Какие еще святые?! Хотя бы немного прибраться, развороченную землю забетонировать.

Вообще памятники Смоленска вызывают вопросы.

Например, памятник космонавту Николаеву. Наверное, это событие надо представить в книгу рекордов: памятник возведен в честь улицы. Привлекательный уголок города попросту изуродован странным монументом и еще более корявой плитой с перечислением имен спонсоров. Кому это все пришло в голову? И почему в эту голову не пришла идея о памятнике Мурзакевичу, смоленскому радетелю, историку, священнику, или о памятнике всемирно известному фантасту Беляеву?

Зато этой голове понравилась идея установления монумента «солдату» напротив военкомата Промышленного района. То, что этот монумент — «солдат» только и можно понять из надписи. В решении об установке памятника городского Совета, подписанном председателем (тогда) Данилюком, сказано, что оно, решение, принято в соответствии с Уставом города, Положением об увековечении памяти выдающихся событий и личностей в городе Смоленске и в связи с празднованием 1147–летия города и 67–й годовщины освобождения Смоленска от фашистских захватчиков. Ходатайствовала об установлении памятника директор музея—заповедника Волосенкова. Какое отношение к городу имеет автор, — пусть именитый и заслуженный скульптор, — этого монумента? И неужели мало смолян, воевавших с Гитлером и достойных того, чтобы их увековечили? Источник финансирования — «средства бюджета города Смоленска». Смоленским скульпторам и можно было заказать памятник смолянину—герою. Среди смолян—героев 67 летчиков, 89 пехотинцев, 44 артиллериста, 19 танкистов, 12 саперов, 2 связиста, 4 моряка. Наверное, можно было бы выбрать. И в образе одного смолянина выразить судьбы всех этих солдат.

Из таких мелочей и складывается облик города, его «символические ресурсы»*.

Символические ресурсы Смоленска достаточно весомы. «Город—ключ», «древняя твердыня», родина Глинки, Твардовского, Пржевальского, Гагарина, земля Тенишевых, Коненкова. От этих имен первой величины исходит сильный свет. Памятник Теркину и его творцу отлично преумножает эти ресурсы. Разумеется, и памятник Глинке, Коненкову. Отсутствие памятника Пржевальскому — явная лакуна в символической копилке. Нет, давайте судить трезво, хотя бы попытаемся это сделать. Космонавту Николаеву установлен памятник, а путешественнику Пржевальскому, прославившему на весь мир русский неукротимый дух, — нет. Крыленко, Ленину есть памятники, а Меркурию, Авраамию — нет. Наконец, «солдату» есть, а Мурзакевичу или Шеину нет. Неужели кто–то может думать, что Ленин с Крыленко больше работают на символические ресурсы Смоленска, чем Меркурий, Авраамий, Пржевальский, воевода Шеин? Неужели кто–то полагает, что возможный инвестор залюбуется памятником «солдату» или Ленину? Или космонавту? Инвестор, пожалуй, спросит: «*А что, Николаев тоже смоленский?*» Да нет, ответит спутник, просто улица носит его имя. «*Ну, вы, смоляне оригиналы, — заключит инвестор. — И что, каждой улице будет памятник?*» Да и зажмет свои капиталы.

Надеюсь, никому не надо доказывать, что символические ресурсы оказывают свое воздействие и на инвесторов в том числе.

Хотя, если заглянуть на официальный сайт города, можно в этом и усомниться. На сайте представлена фотогалерея с видами города.

* Елена Трубина. Город в теории. Опыты осмысления пространства. Новое литературное обозрение, М., 2011

Похоже, администрация фотографировала впопыхах, не заботясь ни о резкости, ни о цвете и т. д. Заплатить фотографу, конечно, не захотели. Чего там мудрить. Взял мобильник и фоткай… Цитата из упоминаемой уже книги Трубиной: «Новый локализм» проявляется в том, что почти каждый город хочет занимать заметное место на карте глобализации, а потому печатает рекламные брошюры и постеры, создает веб–сайты, пестрящие фотографиями…» — не про нашу администрацию. То есть веб–сайт имеется, и фотографии пестрят, но это пародия. На карте глобализации администрация хочет занимать место, соответствующее качеству фотографий.

Но все–таки лучше раз увидеть реальный город. Тут уже никакие фотографии не спасут. Ничем не заслонить смоленской грязи, обветшалых стен, разбитых дворов, диковинно уродливых окраин вроде Киселевки. Кстати, на Киселевке есть пример архитектурного ада. Это окна общежития, упирающиеся в глухую стену детской спортивной школы. И общежитие и пристроенная к нему школа возводились в поздние советские годы, так что говорить об исключительной циничности градостроителей только новых времен не приходится. Правило прозора, зафиксированного в «Кормчей книге» еще XIII века, здесь похерено. По этому правилу нельзя было заслонять вид соседу. Трудно представить чувства людей, день изо дня видящих стену, просто стену. Так свободные смоляне стали заложниками градостроителей, легко переиначивших древний прозор на современный позор. Точечные застройки свидетельствуют о том, что и новые «зодчие» плевать хотели на какую–то там «Кормчую книгу».

Ну, о подземном переходе на площади и говорить нечего. Хорошую идеи и деньги буквально закопали. Лишний раз спускаться в это мрачное подземелье не хочется.

Применительно к Смоленску афоризм — «Каково общество, таков и город» — кажется лишенным всякого смысла.

По тому же Тенишевскому центру целесообразно было устроить общественную дискуссию. Ведь в архитектуре центра могли быть отражены и фленовские мотивы.

То же и с набережной. Вряд ли общественность высказалась бы за бетонные плиты, поставленные на попа. И тем более горожане не приветствуют рубку деревьев. Сентенция французов Делёза и Гваттари «Мы устали от дерева» — не про нас. Но кто же тогда в последнее время спиливает деревья? Чиновники и бизнесмены. Ведь именно чиновники и бизнесмены формируют современный облик города, а кто же еще?

Так что афоризм следует переделать на смоленский лад: «Каковы чиновники—бизнесмены, таков и город».

…Конечно, хотелось бы, чтобы реплика московского редактора не вызывала удивления у смолян и гостей города. Как этого добиться? Градостроительная политика должна быть доступной и прозрачной. Мы вправе требовать, чтобы чиновники и бизнесмены объясняли нам, что и где и зачем они собираются делать в городе. Смоленск — не Замок Кафки, здесь живут не только чиновники. И это не личная вотчина какого–нибудь дельца. И это не бренд какой–либо партии. Партии и чиновники преходящи. Смоленск стоит века. О вековом городе и надо думать градостроителям. И о нем должны радеть все смоляне. Может быть, тогда у нас что–то и получится. ■

Борислав ЖДАНН

Святые источники Смоленщины

Вода, водная стихия… Наряду с землей, воздухом и огнем, есть первооснова всего сущего. О воде повествует в своих первых же строках Книга Бытие:

«В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою…»

Не случайно водная стихия испокон веков символизировала для человека таинственную силу, несущую в себе как основы жизни, так и смерти: всемирный потоп, очистивший землю от грехов людских, волны Красного моря, поглотившие египетское войско, и, наконец, священные воды реки Иордан — купели Божией.

И вот уже две тысячи лет чудотворные святые источники постоянно напоминают всем нам о живоносной, божественной силе воды, обновляющей нас, очищающей от всего старого и разрушительного.

Происхождение святых источников различно. Одни появились чудесным путем на месте явления Божией Матери, угодников Божиих или их икон. Другие вытекают из–под алтаря и почитаются как освященная святыня храма. Над третьими ставят кресты или часовни, где помещают икону святого, которому посвящают источник. У четвертых замечают свойства помогать при различных заболеваниях.

Слава о таких родниках, наделенных особой благодатью, распространяется в народе, и к ним начинается паломничество. Здесь ищут прощения и отпущения грехов, духовного и телесного освобождения от болезней души и тела. Люди верят, что Господь являет свою милость им через воду источника. Однако есть одно очень важное условие — безусловная вера человека в возможность исцеления…

Редакция благодарит СОГБУ «Смоленский областной туристско-информационный центр «Смоленский терем» за помощь при подготовке материала и предоставленную информацию

На тысячелетней смоленской земле, чрезвычайно богатой на святые места, находится целая россыпь удивительных, необыкновенных источников. О некоторых из них мы расскажем ниже.

На родине Глинки

Необыкновенно вкусна и целебна вода в двух святых источниках, находящихся в селе Новоспасском Ельнинского района, на родине великого композитора Михаила Ивановича Глинки. В эти благословенные места постоянно приезжают люди, чтобы испить чудесной воды, омыть ею лицо и руки и взять целительную жидкость с собой.

Один из этих источников, названный в честь святителя Николая, находится в непосредственной близости от храма Тихвинской иконы Богоматери.

Он известен в этих местах с древних времен. Сотни лет из него брали воду жители Новоспасского. В том числе и Михаил Глинка, его родственники и далекие предки. В тридцатые годы прошлого века, когда усадьба Глинок была разорена, в запустении оказался и святой колодец. Однако в последние годы его удалось полностью восстановить. Огромное участие в новом рождении и последующем бережном сохранении святого источника принял коллектив Смоленской АЭС. Его силами в 1998—99 годах был обустроен сам колодец и шатер над ним.

Второй колодец, находящийся на территории музея—усадьбы Михаила Глинки, с давних пор носит название в честь Казанской иконы Богоматери. Над ним также сооружен красивый шатер, похожий на небольшую часовню.

Ежегодно в праздники Крещения Господня вода в обоих источниках освящается, получая тем самым новый заряд чудодейственной силы. Стоит отметить, что и природная структура и химический состав воды в источниках отличаются уникальными свойствами.

Так, в частности, после проведения радиологических замеров выяснилось, что святая вода имеет уровень радиации в два раза ниже, чем естественный радиационный фон близлежащих лесов, земель и водоемов.

За долгие годы существования святых источников было отмечено множество случаев уникального благотворного влияния воды из них на укрепление здоровья людей и исцеления от множества тяжелых хронических заболеваний.

К матушке Макарии

Святой источник Илии Пророка в Темкинском районе Смоленской области неразрывно связан с именем, жизнью, служением Богу и людям схимонахини Макарии.

Схимонахиня Макария (в миру — Феодосия Михайловна Артемьева) родилась 11 июня 1926 года в деревне Карпово Вяземского уезда Смоленской области. Крестивший ее иеромонах Василий сказал при крещении: «*Девочка хорошая, жить будет, а ходить не будет*». И действительно, с полутора лет у девочки заболели ноги, а с трех она уже могла только ползать.

В восьмилетнем возрасте Феодосия заснула летаргическим сном, который продолжался в течение двух недель. Очнувшись, Феодосия рассказывала, что в то время, когда ее безжизненное тело лежало в «мертвецкой» в больнице, душа, сопровождаемая Ангелом—хранителем, путешествовала в райских обителях. Феодосия поведала, как плакала и просила Царицу Небесную исцелить больные ножки или оставить ее в раю, как Владычица Небесная отвечала ей, что она пригодится на земле…

Во время войны Феодосию, брошенную всеми своими родственниками, взяла к себе насельница Вяземского Аркадьевского женского монастыря Наталия.

В возрасте 20 лет Феодосия Артемьева была пострижена в послушницы с именем Тихона. А в 1978 году игумен Донат постриг монахиню Тихону в схиму, дав ей новое имя — Макария, в честь Макария Великого (Египетского).

Получившая от Пресвятой Богородицы дар исцеления людей, схимонахиня Макария старалась оказать помощь всем обращающимся к ней. А таких было немало. «*Одни ехали к ней на машинах, другие добирались на поездах и автобусах. Приезжали русские, украинцы и белорусы, татары, евреи и цыгане, православные и те, кто не исповедовал никакой религии. Все они ехали с одной лишь целью — получить исцеление от физической или*

духовной болезни…», — вспоминал духовный сын старицы Макарии.

И всякий раз непременной составляющей чудесных исцелений было использование воды из источника Илии Пророка, которую схимонахиня Макария освящала своими молитвами…

Несколько раз к Макарии приезжал Юрий Гагарин. «*…Человек он простой, хороший, очень хороший. Простой, как ребенок. Я ему тогда сказала: «Больше не летай, тебе нельзя летать!» Он не послушал меня, а тут его постигла в скорости смерть…*», — позже рассказывала схимонахиня.

Узнав о гибели космонавта, старица попросила приехавшего к ней священника заочно отпеть погибшего Юрия Гагарина у нее дома.

18 июня 1993 года схимонахиня Макария мирно отошла к Господу. Последними словами ее были: «*Поститесь, молитесь, в этом спасение…*»

Старица Макария похоронена на сельском кладбище села Темкино Смоленской области. Рядом с крестом в память о схимонахине был установлен памятный знак с изображением Гагарина.

Место, где должен был быть родник, указала сама матушка Макария.

Она говорила: «*Когда меня не будет, приезжайте на источник и берите водичку, и она вам будет помогать. Я дюже молюсь об этом Илье Пророку…*»

До самой своей смерти матушка Макария следила за тем, чтобы источник был в надлежащем порядке, нанимала рабочих для чистки и обустройства родника.

После ее смерти было принято решение построить над святым источником часовню в честь пророка Илии. Также была построена купальня, где можно обливаться святой водой. По сложившемуся поверью, воду из источника, как правило, ставят на могилу матушки Макарии, чтобы она зарядилась ее энергией и приобрела особо целебные свойства.

Такова история одного из самых известных святых мест Смоленщины.

Милюково и Липецы

Деревня Милюково известна, наверное, в первую очередь тем, что здесь появился на свет Василий Васильевич Докучаев — выдающийся русский геолог и почвовед, основатель национальной школы почвоведения и географии почв.

Это, однако, официальная известность. А в народе не меньше знают о местном святом источнике.

В XV веке в этих местах стояла церковь Николы, недалеко от которой произошла жестокая битва с литовцами. Враги разграбили церковь и унесли с собой образ Николая Чудотворца. Предводитель наших войск Милюков дал обет, что в случае победы над неприятелем построит новую церковь на месте разоренной.

Русские войска разбили противников и погнали их по течению реки Касня. Предчувствуя неизбежное поражение, литовцы бросили святой образ в реку, чтобы он не достался русским. Икона поплыла по реке и вскоре прибилась к берегу. Через некоторое время в этом месте забил ключ, вблизи которого Милюков и построил часовню…

С тех пор не иссякает поток паломников из городов и весей к этому источнику. И ищут они, как водится, излечения от болезней.

Есть многие свидетельства действительно необыкновенных исцелений, произошедших с людьми всех сословий после омовения водой святого источника.

Деревня Липецы расположена на левом берегу реки Вазузы. В прошлом она принадлежала дворянскому роду Грибоедовых. С 1776 года переходит во владение семьи Хомяковых. В конце XVIII века в имении был построен новый каменный дом с флигелями, разбит парк на берегу Вазузы с двумя озерами, разделенными плотиной. В 1797 году на берегу реки была построена новая каменная церковь Преображения.

История святого источника в Липецах исходит к началу XIX века, когда в ручье с целебной водой была обнаружена чудотворная икона Божией Матери «Троеручица».

О святом источнике в народе из поколения в поколение передаются рассказы о сотворенных при помощи его воды чудесах. Согласно им, еще в начале прошлого века в селе жили три женщины, страдавшие странными припадками. При всем народе их облили три раза святой водой, и они исцелились. Немало существует историй о матерях, привозивших с собой к источнику своих больных детей. У многих малышей после омовения в святом источнике проходили все недуги…

Возле святого места когда–то была часовня, которую разобрали еще в 50–е годы XX века на строительство жилого дома. Сейчас обнаружить родник не так–то просто — находится он в пяти километрах от церкви. У источника стоит деревянный крест.

Святой источник Параскевы Пятницы

На протяжении уже многих лет по выходным дням к храму Преображения Господня в селе Баскаково Гагаринского района съезжается

множество автомобилей. Паломники—автомобилисты вместе с семьями, в основном из Москвы и Подмосковья, приезжают сюда, чтобы помолиться в Преображенской церкви, а затем, по благословению настоятеля храма, совершить омовение в святом источнике мученицы Параскевы Пятницы.

Тщаниями настоятеля храма и его добровольных помощников это чудесное место благоустроено. Небольшой домик с четырехскатной металлической крышей накрывает семь родников, откуда вытекает ручей, называемый в народе Холодной речкой. Берега этого ручья имеют бурый цвет оттого, что в воде содержится очень много железа, которое окисляется при контакте с воздухом…

Рядом с домиком оборудована специальная купальня, также покрытая крышей и увенчанная крестом. Еще одна купальня находится на открытом воздухе.

После выхода из святого источника все испытывают необыкновенную легкость, бодрость духа и благодать. Круглый год температура воды в нем — плюс 5–6 градусов.

Люди, наделенные искренней и глубокой верой, часто получали после омовения в источнике Параскевы Пятницы исцеление от самых разных недугов, начиная от кожных заболеваний и заканчивая воспалением легких, травмами позвоночника и даже эпилепсии.

Рядом с источником построена небольшая часовня в честь святой мученицы Параскевы Пятницы. Там можно поставить свечу перед ее иконой, почитать акафист.

Источник святой Параскевы Пятницы в Гжатском уезде (ныне Гагаринский район) получил широкую известность около 300 лет назад благодаря одному православному подвижнику (имя его неизвестно), который одиноко жил в этих местах и усердно молился святой Параскеве. Считается, что при его жизни здесь была явлена чудотворная икона Параскевы Пятницы и забил источник.

Во время Великой Отечественной войны эти места были заняты немецко—фашистскими войсками. Гитлеровцы осквернили воды святого источника, пытаясь стирать в нем свою одежду, после чего он внезапно иссяк. И только после ухода врага ручей начал снова течь…

Несколько лет назад, когда источник чистили, в нем нашли несколько монет XVII века и более позднего времени, что подтверждает не только существование, но и широкую известность этого места в те далекие времена.

Традиционно самый массовый наплыв людей, посещающих святые источники, происходит на Великий Праздник Крещения Господня. Однако и сейчас, во время православного Великого Поста, каждый из нас может получить дополнительное очищение души и тела своих, посетив один из святых источников Смоленщины и совершив в нем благословенное омовение. ■

на заметку

Сотрудниками СОГБУ «Смоленский областной туристско–информационный центр «Смоленский терем» разрабатывается специальный туристический маршрут «По святым источникам Смоленской области», который со временем может стать одним из самых популярных в нашем регионе

Батя в «стране дилетантов»

Юрий СЕМЧЕНКОВ

Удивительное дело. Дипломированных специалистов с самыми высшими образованиями у нас в стране все больше, а настоящих профессионалов — все меньше и меньше. «Страна дилетантов» — такой приговор вынес нынешнему положению дел наш собеседник, признанный мастер своего дела, непререкаемый авторитет среди всех, кто хотя бы мало–мальски связан с музыкой и звуком, Владимир Лейкин. Легендарный Батя.

«Примочки» и «квакушки»

— Как вы сами называете свой род занятий? Кто вы по профессии: звукорежиссер, звукооператор или кто?..

— Я не дам какого–то однозначного ответа на этот вопрос. Когда я только начинал заниматься тем, чем занимаюсь до сих пор, четкого представления о таких профессиях, по крайней мере, в нашей стране, еще не было. А я занимаюсь этим делом, страшно вспомнить сколько лет. Все началось еще в детстве, в школе. Слушали битлов, всякую прочую музыку. И кроме музыки самой по себе меня интересовали и всяческие околомузыкальные «прибамбасы» и вопросы. Например, каким способом озвучиваются огромные аудитории, скажем, стадион Уэмбли? Как в шестидесятых годах совсем не приспособленными для этого средствами умудрялись это делать? В те времена ведь нынешнего оборудования не было. Первое специфическое оснащение для музыкальных групп стало производиться, грубо говоря, с момента широкого распространения электрогитар. Почти все ведущие на сегодняшний день фирмы мирового класса выросли из гаражных мастерских и кухонь, где буквально «на коленке» мастерилось и собиралось первое оборудование. Кто–то что–то строгал и пилил, а потом хобби превратилось в профессию. Это мой случай. У меня именно так и произошло. Уже в десятом классе я паял для школьных музыкантов какие–то «примочки», «квакушки» для гитар и тому подобное.

— А непосредственно музыкой в те годы не пробовали заниматься?

— Пробовал. Было это очень давно — в начале семидесятых. При ЖЭКе у нас организовали ансамбль. Как сейчас помню, использовали аппаратуру КИНАП и ударную установку «Энгельс». Это самая первая ударная установка советского производства. На ней я и пробовал себя в качестве барабанщика. Но, похоже, барабанщик из меня не получился.

— Как я понимаю, у того, кто работает на концертах за звуковым пультом, музыкальный слух должен быть не менее тонким, чем у исполнителей.

— Я скажу так: в нашем деле, по моему мнению, больше важен не слух, а вкус. Но вкус соответствующий, специфический. Вот кому–то, скажем, нравится розовый цвет, а кому–то белый. Со звуком такая же история. Кому–то всегда, например, мало басов, а кому–то, наоборот, басы мешают, или недостает прозрачности.

Конечно, эти оценки субъективны. Но я считаю, что если у музыкантов и звукорежиссера вкус хороший, то продукт их труда, а в нашем случае это звук, понравится практически всем слушателям. Разумеется, качество звучания в большей степени все–таки зависит от игры музыкантов, от того, какая техника используется. Но значительную роль на концертах играет и звукорежиссер.

Говорят, что хорошую игру очень трудно испортить, но если звукорежиссер «постарается», то может испортить даже самое хорошее выступление. Если он, грубо говоря, окажется «не из этой оперы». А так порой случается, когда за дело берутся не профессионалы.

Я считаю, что большая беда России в том, что у нас страна дилетантов. Начиная с самого верха. У нас даже правительство по каким принципам подбирается? По принципу лояльности, по каким–то другим принципам, только не по профессионализму. Это наше горе. А потом удивляемся, почему ракеты падают.

«Монстры» с блокнотами

— Ваша профессия больше творческая или техническая?

— По–хорошему, конечно, это инженерная профессия. Но не все так просто. Мы наполовину инженеры, наполовину музыканты. Творчество и техника. Причем это такой симбиоз, который в идеале должен быть уравновешен. Лично у меня, может быть, есть некоторое превалирование технической части над музыкальной. Но ничего, это не мешает, много лет занимаюсь своим любимым делом, и, говорят, что–то получается. Но это далось многолетним трудом и ежедневной школой, можно сказать, я осваиваю свою профессию уже не один десяток лет. До сих пор езжу на профессиональные семинары. И за границу, и по стране. Вижу, как даже «монстры» нашей профессии, лучшие из лучших, сидят с блокнотами и записывают, ловят каждое слово признанных мастеров мирового класса. Я постоянно учусь и узнаю что–то новое, хотя, казалось бы, я спаял свой первый пульт, когда учился в техникуме связи, в 1977–м году. Можете посчитать.

— Тридцать семь лет назад.

— И я до сих пор часто становлюсь, как я называю этот процесс, «за верстак».

— Так ведь и не просто так вас по городу называют «Батей». Это ведь лучше всего говорит о признании и авторитете.

— Я бы, может быть, и согласился с вашим высказыванием, если бы получил это прозвище уже в зрелом возрасте, скажем, лет десять назад. Но оно приклеилось ко мне еще в техникуме, это было очень давно. В армию я уходил уже Батей.

С понтами и без

— Бывает ли, что ваше мнение по настройке аппаратуры по качеству звука не совпадает с мнением музыкантов? Что делать в таких случаях?

— Настройка аппаратуры и качество звука больше зависит не от музыкантов, а от их соответствующих служб, от их звукорежиссеров. Сейчас разве что только какие–нибудь барды третьего эшелона могут приехать с одной гитарой и сказать, мол, поставьте мне микрофон, подключите гитару и как–нибудь настройте. Все серьезные артисты приезжают со своими звукорежиссерами. И серьезные барды, кстати, тоже. Тот же Митяев.

— Он не только с гитарой приезжает?

— Нет, конечно. Я хорошо знаю его звукорежиссера Романа Ивановского, очень серьезного профессионала. А это всегда чувствуется на концертах. Ведь зачастую артист находится в непростом положении. У него есть выбор между настоящим профессионалом и между почти случайным человеком, который дешево продает свою работу. Работа высокопрофессионального звукорежиссера стоит достаточно дорого. Я не знаю ни одного хорошего специалиста «с ушами» и с инженерными знаниями, который бы работал за копейки. Когда Церетели ваяет свои памятники, можно только догадываться, какими суммами исчисляются его гонорары, но, поверьте, есть свои «церетели» и у нас, в нашей сфере. Несколько человек я знаю. Я говорю, естественно, в масштабах России. Есть и в Смоленске ребята неплохие.

У меня есть мой помощник и партнер Дмитрий Сланов, мы с ним работаем уже несколько десятков лет. Так вот, мы для себя определили некую иерархию звукорежиссеров. Самый страшный вариант, когда человек неадекватен и при этом «на понтах». Самый хороший вариант, когда человек адекватен и без понтов. С такими людьми мы находим очень близкий контакт и продолжаем общение и в жизни. Как вы поняли, основных критериев два: профессиональная адекватность и понты. Соответственно, в зависимости от сочетания этих критериев, есть еще одна категория, с которой несложно работать. Эти люди не разбираются в предмете, но они и без понтов. Тебе начинают смотреть в рот, ловить каждое указание, и часто за счет этого удается вытянуть концерт.

Есть и особая, так сказать, каста. Глубоко знающие материальную часть звукорежиссеры и звукоинженеры, которые настолько же глубоко знают музыкальную часть. Условно говоря, могут сесть за рояль и сыграть Баха. Но таких людей очень–очень мало.

Музыка должна «вставлять»

— Как вы себя чувствуете, работая с признанными мастерами, скажем, в Москве, куда вас часто приглашают?

— Я абсолютно нормально себя чувствую. Может быть, вследствие возраста и опыта. Кроме того, звукорежиссеров всех, так называемых, «старых» музыкальных групп я знаю лично. И по стране в свое время мы покатались довольно много. Большой тур отработали, например, с хором Турецкого. Со Стасом Михайловым была серьезная работа в больших комплексах.

— Есть ли у вас какая–то профессиональная мечта?

— Если говорить о конкретных персонажах, с кем бы я мечтал поработать, то, к сожалению, моя мечта не осуществима. Это Фредди Меркьюри. Такие музыканты рождаются, по моему мнению, один раз в тысячу лет. Еще, пожалуй, чисто профессионально мне было бы интересно поработать с AC/DC.

— Разный ли подход к озвучиванию, скажем, симфонического концерта и рокового?

— И то и другое должно «вставить». Музыка должна «вставлять». И симфоническая, и рок, и джаз. Наверное, это будет несколько по–разному. Но музыка не должна вызывать дискомфорт. Как иногда бывает на концертах? Мы видим любимого артиста и не можем от него взгляд оторвать, но то, что мы в это время слышим, входит в диссонанс с тем, что мы видим. Зрителю хочется куда–то сбежать, заткнуть уши, а он должен получать удовольствие.

Честно скажу, мне очень редко нравится, скажем так, как звучит. Да, для всех все хорошо, все классно, но я–то чувствую нюансы. Ошибка может быть самой незначительной, и рядовой слушатель кайфует и никогда ничего не заметит, но я–то слышу и понимаю, что можно было бы и лучше сделать. Это неудовлетворение и является движущей силой к дальнейшей работе, к учебе, оно поддерживает постоянный интерес к своему делу.

— Удается ли вам во время концерта воспринимать музыку не как участнику действия, а отстранено, как рядовому зрителю?

> “ Мы для себя определили некую иерархию звукорежиссеров. Самый страшный вариант, когда человек неадекватен и при этом «на понтах». Самый хороший вариант, когда человек адекватен и без понтов

— Если я работаю на концерте как звукорежиссер, то чтобы я отключился, абстрагировался, должно произойти что–то невероятное. Это очень–очень редко бывает. А если работаю с приехавшим звукорежиссером, то после подготовки, настройки непосредственно на концерте я присутствую практически как зритель, и если звучит хорошо, то у меня легко получается отключиться, и я воспринимаю концерт. Но как только что–то не ладится, у меня сразу «чик» — и включается тумблер. Там высоких частот мало, там низких, здесь гудит, там микрофон подсвистывает. Сразу включается профи. Если сам за пультом, то должно все сложиться в идеальный вариант, когда ничего не хочется трогать, не хочется крутить ручки. Вот есть настройка.

Я так себе это представлял — это так и звучит. Мне нравится. Что, повторюсь, далеко не часто бывает. Но, с другой стороны, когда все начнет нравиться, зачем тогда этим заниматься? Надо тогда, наверное, картины рисовать идти.

— Это все впереди.

— Может быть, но, пока есть еще к чему стремиться, — поработаем.

Город без «дров»

— Гастролеры чаще возят свое оборудование или используют местное?

— Если раньше иногда были разговоры, мол, в регионах «дрова» выставляют, что–то чуть ли не самодельное, то сейчас все вопросы сняты. Мы, например, используем на концертах оборудование известной американской фирмы Meyer Sound. Их техникой оборудован, скажем, Карнеги Холл в Нью—Йорке.

Когда исполнитель проводит большой гастрольный тур, то обычно гастролирует по всем городам со своим оборудованием. Причем оборудование на месте может быть и лучше, но на своей аппаратуре человек отработал уже двадцать площадок, он к ней привык. Если концерт не в рамках тура, то, как правило, обращаются к нам.

— Сейчас нет такого, когда неважное качество звука, можно было бы оправдать отсутствием в провинции оборудования необходимого класса?

— Сейчас регионы очень поднялись в этом смысле. Да и как можно жаловаться на «дрова», если все согласования технических райдеров проходят заранее.

— Фонограммщики сейчас остались?

— Может быть, сейчас открою небольшой секрет. Фонограмма фонограмме рознь. Сейчас часто используют многодорожечные фонограммы, которые заводятся в микшер. Там прописан и бэк–вокал, и ритм–секция, и голос, и партии отдельных инструментов. Но это не мешает исполнителям играть и петь вживую. Все запускается синхронно, оператор в любой момент может творить чудеса: добавить что–то, подстраховать. А так, я очень давно не помню, чтобы кто–то работал под откровенную «фанеру».

> “ Если человек помешан на качестве звука, то это становится своего рода религией. Молятся на провода, наконечники, пирамидки, стекла... Я отношусь к этому по–своему

— За смоленской рок–музыкой следите? Она ведь по сути родилась на ваших глазах. Родилась и умерла?

— Раньше, если помните, в восьмидесятые годы рок–клуб работал очень активно. Я занимался там всей техникой. Были интересные группы, со многими мы даже поездили с концертами с свое время. Небезызвестная группа «ЭШ», я с ними очень много работал. Очень интересная группа «БМП» Игоря Воронца, на их тусовки собиралось неимоверное количество народа. Группа «Нянечка» Сережи Колобаева, панк–рок, по–своему прикольно.

Сейчас более–менее еще теплится «А–клуб», Вася Гарапко молодец в этом плане. Фактически это единственная точка в Смоленске, где еще проходят какие–то мероприятия, но их все меньше. Был «Смоленский проект», но он, похоже, скукожился на нет.

Но и сейчас есть достойные, на мой взгляд, команды. «OUTBACK» — очень профессиональный коллектив Дмитрия Жлобницкого. «СКАзка» — крепкая интересная команда. Но такой массовости, как раньше, нет. Рок–движения нет. Все закрылись по каким–то репетиционным базам—гаражам. Еще в Печерске Сигмер пытается что–то делать, проводить конкурсы, фестивали. Но я, например, как–то присутствовал на фестивале «Сафоний». Если говорить о нашей стороне, то технический уровень ниже всякой критики. Я уже готов был почти на безвозмездной основе помочь — за родную область стыдно было. Нанимали какой–то совсем уж дешевый прокат из Белоруссии и получили уровень «ни о чем». Причем это открытый рок–фестиваль был, с приглашенными гостями. Плакать хотелось.

Все улетели в космос

— В Смоленске конкуренция не очень сильная?

— На этом рынке фактически конкуренции нет.

— Все у вас в руках?

— Кстати, вот о чем надо обязательно сказать — у нас очень плохо, с точки зрения звука, оборудованы наши стационарные культурные заведения.

— По области?

— И даже наши «монстры» — филармония, драмтеатр. Там что–то делается, но, скажем, должному подобающему уровню это не соответствует.

— А новый КВЦ имени Тенишевых?

— Дело в том, что при его строительстве изначально с точки зрения акустики никак не учитывалась возможность проведения концертов. Вылечить положение в определенной степени, наверное, можно, но это будет стоить так—и—и—и—их денег. В других городах в этом вопросе «в космос улетели» по сравнению со Смоленском. Даже на уровне районных городов. Может быть, после этих слов я заполучу очередную партию недоброжелателей, но считаю, что сказанное только на пользу, поскольку болею за общее дело. Подход, к сожалению, одинаков во всех сферах. Вместо того чтобы один раз сделать дорогу, условно говоря, за десять миллионов рублей, мы выбрасываем ежегодно десять лет подряд по миллиону. В результате — ни денег, ни дороги.

— Если говорить, например, о драмтеатре, на ваш взгляд, какой порядок сумм нужен на соответствующее достойное оборудование? Миллионы? Десятки миллионов?

— Десятки миллионов, если делать «по–взрослому». А сейчас получается, что у нас в городе нет

ни одной стационарной точки с серьезной технической зальной системой. Я не говорю, что нет совсем ничего, концерты же проходят. Но уровень?! Он может быть значительно выше, и таких примеров в соседних областях достаточно, насколько я знаю. Очень мало регионов, где положение с техническим обеспечением культурных учреждений столь же плачевно, как у нас. И пусть кто–то попытается меня убедить в обратном. Я слишком хорошо знаю положение дел. Есть, конечно, и положительные моменты — «Губернский» сейчас по свету очень хорошо подтянулся, зал «Кристалла» — приятное исключение.

— А если обратить внимание совсем на другую категория заведений, на рестораны, там вообще обращают внимание на такие вещи, как акустика, аппаратура, звук?

— Можете про рестораны написать прямо: «без слез не скажешь». Рестораны — особое место. Без сомнений, самое первое — кухня. Если не собираетесь делать хорошую кухню изначально — можете не открываться, никакие интерьеры не спасут. Но кухня еще не все. Вот пришел человек в ресторан, вкусно поел, программу посмотрел, танцы там, музыка. Но чтобы человеку захотелось прийти еще раз, ему должна понравиться атмосфера заведения. Атмосфера. Понравиться должна на бессознательном уровне. Гость даже может не отметить для себя, что конкретно его раздражает, не сможет объяснить, почему ему здесь не понравилось. Что–то не то. А это неуловимое «не то» и кроется очень часто в звуке, акустике, свете, шуме. Мне смешно, когда к нам в фирму приезжают клиенты на джипе за пять миллионов рублей и просят оборудовать ресторан звуком за двадцать тысяч. Рублей.

«БУхает» или «цЫкает»

— При работе на общественных мероприятиях, скажем, на праздниках, днях города может ли быть такое, что кто–то из чиновников приходит и вмешивается в работу, требует продемонстрировать, как все будет звучать, подстроить под свой вкус?

— В этом большой плюс нашего города: нам доверяют и не лезут без надобности с указаниями и советами. А в других городах мне такие чудеса рассказывали. Приезжает, скажем, инструктор из отдела культуры и ползает по сцене с рулеткой, измеряет расстояние между мониторами, ругается, что по техзаданию сцена должна быль длиной 10 метров, а на самом деле 9,95 метра. Мол, вы выиграли тендер — обеспечьте выполнение. Человек, не понимающий ничего, начинает рассуждать о звуковых дисперсиях, диаграммах направленности и частотных характеристиках. Нашим местным руководителям надо отдать должное — они себе подобного никогда не позволяют. Но если бы были претензии, они бы сказали. Видимо, обе стороны пока все устраивает.

— Если говорить о звуковой технике для дома, что можете посоветовать?

— У меня много знакомых, которые покупают какие–то совершенно немыслимые дорогущие Hi—End системы для дома, аппаратуру стоимостью десятки тысяч долларов (а порой и сотни), проводят специальные обработки стен, гоняются за какими–то уникальными проводами. Я никогда не понимал, как можно отдать пять тысяч долларов за провод. (Может быть, потому что такие же примерно провода использовались в свое время на нашем авиазаводе, и, не будем греха таить, их тогда могли вынести за бутылку).

— То есть эта гонка за сверхкачеством звука не имеет смысла?

— Она имеет свой смысл. У этих людей между собой идет вечное соревнование. Они ходят друг к другу в гости, слушают, оценивают. У тебя джаз звучит, а рок не звучит, а у тебя «цыкает», а у тебя зато «бУхает». Я им всегда говорю одну простую вещь. Всю эту музыку, которую вы слушаете, записывали где–то на студии, используя ту или иную аппаратуру, слушая через какие–то колонки. Хотите максимально приблизиться к тому звуку, который создатели хотели выдать, купите себе такие же студийные мониторы. Да, они стоят больше миллиона рублей каждый. Но для того, чтобы слушать ваши дорогущие диски и не искать колонки якобы необыкновенного звучания, самый правильный вариант — приблизиться к исходному, слушать на том же, на чем делалась запись. Твоя аппаратура может быть лучше, приятнее слуху, но это не тот звук, который подразумевался, не тот, который слышали изначально. Но тут каждый волен делать свой выбор. Если человек помешан на качестве звука, то это становится своего рода религией. Молятся на провода, наконечники, пирамидки, стекла. Понятно, что эти предметы — проявления, порой, высочайшей инженерной мысли, но я отношусь к этому по–своему. ■

Люди и куклы

Владислав КОНОНОВ

Кукол любят дети. Потом, когда дети вырастают, некоторые из них продолжают любить. Дело не в инфантильности — каждый из нас может видеть в куклах свое. Ведь люди чем–то похожи на куклы. Кто–то на любопытного Буратино, кто–то на флегматичного Пьеро, а кто–то на заботливого папу Карло или даже сурового и злого Карабаса–Барабаса.

В прошлом году Смоленский театр кукол получил прекрасное перестроенное и отремонтированное здание. Теперь в нем работают две сцены — малая и большая, перед спектаклями его фойе и залы наполняются веселым детским щебетом. Но выключается свет, начинается представление. Дети и взрослые смотрят на сцену, где актеры вдыхают жизнь в кукол. Учат их говорить и ходить, разводить руками, моргать глазами и улыбаться.

Жизнью куклы обязаны людям. Не всем, конечно, а только тем, кто их сумел не разлюбить с детства. Смоленский театр кукол появился в 1937 году. В самый пик репрессий (если верить тому, чему нас учили) в Смоленске нашлись энтузиасты во главе с Дмитрием Николаевичем Светильниковым, в то время — актером областного драмтеатра. Кукольный театр много лет спустя, накануне своего 70–летнего юбилея, получил его имя. Свою творческую жизнь Светильников начал в Новгородском театре расклейщиком афиш, потом учился и работал в Ленинграде. В 1931 году был принят в Смоленский театр Красной Армии, а в сезон 1937—1938 года работал актером Смоленского драматического театра. Начав ставить кукольные представления в Смоленске, он занимался этим делом и в годы войны, служа в особом батальоне связи и ансамбле Белорусского военного округа. В 1941 году Дмитрий Светильников поставил спектакль «Конец будет положен», год спустя — «Бей да погрубей», уже в освобожденном Смоленске в 1944 году — «Смолка». За свою творческую жизнь он поставил более ста спектаклей.

А сам смоленский кукольный театр многие десятилетия своего существования не имел собственного помещения. До Великой Отечественной войны кукольные спектакли ставились в Молодом театре, впоследствии — театре имени Ленинского комсомола. Перед самой войной его перевели в Рославль. Еще во время войны, в 1944 году специальным постановлением правительства театр кукол был утвержден как самостоятельный профессиональный детский театр. Его главным режиссером с 1955 года стал основатель театра — Дмитрий Светильников. Кукольные представления тогда проходили в доме Будникова — Дворце пионеров. Как пишет смоленский журналист Светлана Романенко, в репертуаре театра в то время ставились спектакли для детей и взрослых: «Снежная королева» (1954), «Карлик Нос» (1957), «Маугли» (1960), «По щучьему велению» (1965), «Большой Иван» (1967), «Делец» (1970), «Солдат и ведьма» (1971), и др. Первый кукольный спектакль для взрослых — «Король — олень» по Карло Гоцци был поставлен в 1955 году.

Дмитрий Светильников во время эстрадного выступления (1937 г.)

Свое здание на улице Дзержинского смоленский кукольный театр получил только в 1989 году. Практически сразу же начались разговоры о необходимости реконструкции здания, совершенно не приспособленного для кукольных спектаклей. Эти разговоры перестали звучать только в прошлом году, когда состоялся первый спектакль для детей в реконструированном и помолодевшем здании с башенкой.

Тот, кто был в нем хотя бы раз, никогда не разлюбит кукол. ■

Чтобы маслом не испортить

Юрий СОЛОМОН

Продолжая тему подсолнечного масла (см. предыдущий номер), начнем с того, что разберемся, как правильно выбирать оное. Перво–наперво читаем этикетку. Предполагается, что покупать будем масло фасованное заводским способом.

Смотрим, соответствует ли масло ГОСТу. ГОСТ для подсолнечного масла, если кому интересно, Р 52465 2005. Именно эти цифры ищем на этикетке. Кроме того, подсолнечное масло внутри одного ГОСТа подразделяется в зависимости от его качества, способа обработки и назначения на следующие марки.

Итак, можем встретить: *рафинированное дезодорированное «Премиум»*. По названию понятно, что это масло наивысшего качества (из возможных). Оно используется для непосредственного употребления в пищу и для производства продуктов детского и диетического питания. На ступеньку ниже — *рафинированное дезодорированное «Высший сорт»* и *«Первый сорт»*. Масла этих сортов используются для непосредственного употребления в пищу и для производства пищевых продуктов.

Заметили? Исчезли слова «детских» и «диетических».

Спускаемся по лестнице сортов еще ниже — *рафинированное недезодорированное*. Без указания сорта вообще. Использовать можно для производства пищевых продуктов и промышленной переработки. О непосредственном употреблении в пищу речь уже не идет.

Бывает еще, как мы знаем, и *нерафинированное «Высший сорт»* и *«Первый сорт»*, которое производится прессованием. Его применяют для непосредственного употребления в пищу, для производства пищевых продуктов и промышленной переработки.

Понятно, что на этикетке ищем еще в соответствии в ГОСТом информацию о производителе, дату производства, срок годности и условия хранения.

Вот прямо сейчас имею перед глазами бутылку подсолнечного масла. Смотрю на этикетку: кроме всего вышеперечисленного вижу надпись «вымороженное». Это значит, что масло получили с помощью специального процесса вымораживания. Из подсолнечного масла удалили микрочастицы природного воска. Чисто для чистоты масла, чтобы не было мутным.

Пометки типа «Без холестерина» никакого смысла не имеют. В растительном масле по определению не может быть никакого холестерина. Он может содержаться только в продуктах животного происхождения.

Еще пишут, что, мол, масло содержит витамин Е. *Любое* подсолнечное масло содержит витамин Е. Любое.

Несколько самых основных правил использования подсолнечного масла. Хотя все, что касается приготовления пищи — дело вкуса.

Жарить что–либо — мясо, рыбу, овощи — лучше на рафинированном масле. А вот салаты лучше заправлять маслом нерафинированным. Причем салат рекомендуется посолить до добавления масла. Почему? В масле соль не растворяется.

Масло боится двух вещей: тепла и света. Так и храним. В шкафу (холодильник все же не рекомендуется). Идеально — перелитым в бутылку из темного стекла. Чтобы наше масло не прогоркло, в бутылку с маслом нужно насыпать немного соли и положить несколько вымытых и высушенных фасолин. ■

Салат «Башенка»

корейская морковь 150 г
шампиньоны 400 г
куриное филе копченое 300 г
огурцы маринованные 300 г
майонез, соль
растительное масло
перец

Грибы нарезаем кусочками и жарим на растительном масле. Куриное филе и огурцы нарезаем соломкой, корейскую морковь немного измельчаем. Мелко режем лук. Выкладываем салат в форму слоями. Каждый слой пропитываем майонезом. Снизу вверх: куриное филе, морковь, грибы, лук, огурцы. Если какие-то продукты остались, то слои из них можно добавить.

Слойки «Сосисочные»

тесто слоеное 500 г
сосиски 400г
сыр 100г
яйцо 1шт.
кунжут

На полосу раскатанного теста выкладываем сосиски. Посыпаем их тертым сыром. Загибая края, делаем рулет. Смазываем его яйцом и посыпаем кунжутом. Разрезаем на порции. Выпекаем в духовке 20 минут при 190 градусах.

г.Смоленск, Культурно-выставочный центр, ул.Пржевальского, дом 3

12 марта – 6 апреля

Персональная выставка постоянного **фотографа National Geographic Андрея Гудкова «Соседи по планете. Исчезающий мир»**

60 фантастических фотографий

уникальный взгляд на живую природу